

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ „ИСТОРИИ АРМЕНИИ“ ФАУСТА ВИЗАНТИЙСКОГО

Труд древнеармянского писателя V в., в русской науке традиционно называвшегося Фаустом Византийским, а в армянских публикациях Павстос Бузандац, представляет интерес во многих отношениях. Уместно будет вспомнить, что внимание к труду Фауста в свое время проявил Прокопий Кесарийский, Фаустом пользовался и армянский историк конца V в. Моисей Хоренский. Очень ценный материал по вопросам социально-экономической жизни Армении и соседних с нею стран, содержащийся в труде Фауста, вопросы датировки, а также личности автора неизменно привлекали внимание арменистов и византистов прошлого и настоящего столетий, как историков, так и филологов.

Историк Византии может найти в „Истории Армении“ Фауста немало сведений, дающих возможность объяснить некоторые явления социально-экономической жизни восточных окраин империи. Для истории возникновения феодализма в Византии у Фауста также имеются данные, косвенно проливающие свет на этот вопрос. Не менее важны для специалистов также текстологические стороны рассматриваемого источника. Произведение Фауста включает в себе, наконец, факты, представляющие существенный интерес с точки зрения истории внешней политики Византии в IV в. на Востоке.

За последние годы труду Фауста был посвящен целый ряд работ советских арменистов. В первом томе своей „Истории древнеармянской литературы“ (армянский оригинал вышел в Ереване в 1944 г., русский перевод — там же в 1948 г.) известный представитель арменоведения М. А. Абемян дал многосторонний анализ памятника и датировал его как произведение второй половины V в. Одновременно исследованием труда Фауста и переводом его на современный армянский язык занимался другой крупный арменист С. С. Малхасянц. Перевод с комментариями был напечатан в Ереване в 1947 г. В 1942 г. в Тбилиси вышла работа Л. М. Меликсет-Бека „Следы истории Армении Фауста Византийского в древнегрузинской литературе“ (сообщения Академии наук Грузинской ССР, т. III, на грузинском и русском языках). В 1947 г. была опубликована работа К. А. Мелик-Оганджяна „Эпос Тиран-Трдата по Фаусту Византийскому“ (на армянском языке, в № 6 „Известий Академии наук Армянской ССР“). И, наконец, в 1953 г. вышел в свет перевод „Истории Армении“ на русский язык, выполненный М. А. Геворкяном¹. Настоятельную необходимость этой публикации нельзя переоценить, если учесть, что труд Фауста до сих пор на русский язык не переводился.

Перевод М. А. Геворкяна подвергся критике А. С. Анасяна, который, отметив положительное значение предпринятой публикации, указал на значительное число встречающихся в переводе неточностей, а также остановился на некоторых текстологических вопросах².

Соглашаясь с критикой А. С. Анасяна, мы хотели бы сделать некоторые дополнительные замечания по переводу.

¹ История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеармянского и комментария М. А. Геворкяна. Памятники древнеармянской литературы, т. 1. Ереван, 1953.

² А. С. Анасян. О русском переводе „Истории Армении“ Фавстоса Бузанда. Ереван, 1954. Стеклограф (на армянском языке).

При оценке переводов памятников древности всегда возникают в первую очередь два вопроса: на кого рассчитан перевод и с какого текста он сделан. Во вступительной статье указывается прямо, что труд Фауста, „несомненно, привлечет к себе внимание не только историков, но и более широкого круга читателей“. Таким образом, настоящее издание преследует двоякую цель: обслужить научный мир и широкий круг читателей.

Сжато и доступно написанная вступительная статья Л. С. Хачикяна о Фаусте и его времени вполне соответствует популяризаторскому назначению издания. Автор статьи умело вводит читателя в круг вопросов, уяснение которых необходимо для чтения труда Фауста. Однако историки Ближнего Востока, Кавказа, Византии, СССР вправе, конечно, предъявить требования более специального характера. Вопросы о составных частях произведения и самой личности Фауста несомненно интересны для читателей-историков. Об этом свидетельствует уже самый список литературы о Фаусте, приведенный в конце книги. Жаль только, что в библиографии, составленной А. С. Анасяном (кстати, имя составителя не сообщается и мы узнаем его лишь из брошюры А. С. Анасяна, посвященной критике русского перевода Фауста), „указаны лишь основные исследования“, но не приведены многие текстологические исследования, которые в целом ряде случаев могли бы заинтересовать историков в связи хотя бы с вопросами терминологии.

О тексте оригинала можно узнать только в автореферате кандидатской диссертации М. А. Геворкяна, где указано, что приложенный к диссертации русский перевод труда Фауста сделан с венецианского издания 1832 г.¹ До сих пор не существует такого научно-критического издания Фауста, как, например, издания других армянских писателей V в.: Лазаря Парпского, Агафангела и Моисея Хоренского. Предпринятая за последнее время арменистом К. А. Мелик-Оганджаняном подготовка критического текста Фауста с разночтениями, к сожалению, пока еще не завершена изданием. Поэтому следовало ожидать, что переводчик на русский язык примет во внимание и текст, опубликованный в 1883 г. в Петербурге К. П. Паткановым, и те разночтения, о которых идет речь во многих текстологических работах о Фаусте. Правда, в библиографии, приложенной к переводу, указаны рукописи труда Фауста, хранящиеся в Государственном хранилище рукописей — Матенадаране, но их использование не отражено в переводе.

Обращаясь к переводу памятника, необходимо, прежде всего, остановиться на имени автора. Автор в книге называется Фавстос Бузанд. Если транслитерировать армянское написание, то получится Phaustos Buzandatzî. Так, по крайней мере, обозначено имя писателя именно в упомянутом венецианском издании. По поводу имени автора в арменоведении были различные мнения. Некоторые ученые считали, что это псевдоним, который должен был, по их мнению, придать больший авторитет имени автора. Другие ученые пришли к мысли, что имя „Бузанд“ не является производным от названия Византия. Употребление в настоящей книге имени Фавстос Бузанд представляется нам неоправданным по двум соображениям. Во-первых, для читателя остается непонятным, почему издатели предпочитают это название принятому в русской науке и на Западе. Во-вторых, в имени Фавстос обнаруживаются две фонетические неточности, ибо звука „ф“ в древнеармянском языке не было;

¹ М. А. Геворкян. История Армении Фауста Бузанда. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1949.

не существовало также чтения дифтонга „ау“ как „ав“. Следовательно, нужно было оставить название Фауст Византийский.

Перевод труда Фауста сделан хорошим языком. М. А. Геворкян стремился передать некоторые особенности языка оригинала. С этой целью в переводе применяются, например, архаизмы, словосочетания, характерные для старинной русской речи. Вполне правильно поступил М. А. Геворкян, оставив без перевода многочисленные социально-экономические и некоторые технические термины. Поскольку в комментариях дается объяснение упомянутых терминов, это не вызывает трудностей при чтении. Употребление же их без перевода придает особый колорит тексту.

Однако перевод страдает некоторыми неточностями. Так, например, термин „бардз“ (стр. 124, 129) местами переводится то как „подушка“ (стр. 24, 56), то как „седалище“ (стр. 19), термин „царай“ (стр. 64) иногда переводится как „слуга“ (стр. 39). Термин „горцакалутюн“ в двух случаях передан с русским суффиксом, т. е. „горцакалство“ (стр. 56—57), причем армянский аффрикатный „ц“ почему-то передан свойственным западноармянским диалектам „дз“ (гордзакалство). Термин „аван“ (стр. 8) иногда переводится как „местечко“ (стр. 18, 177), а то и „посад“ (стр. 85, 86) и „деревня“ (стр. 32), чем нарушается единство понимания термина.

В переводе заметны и иные расхождения в оформлении слов. Так, например, употреблены формы „Бзнуникское море“ (стр. 18) и „Рштунийское море“ (стр. 22). Поскольку эти формы происходят от названий областей Бзнуник и Рштуник, в которых „к“ является суффиксом множественности, становится непонятно, почему в одном случае суффикс опущен, а в другом — сохранен. Учитывая, что этот суффикс характерен для слов, обозначающих название области по родовому признаку, подобно русскому „ичи“, правильнее было бы его сохранить.

Отсутствие принципиальной выдержанности при транслитерации вносит противоречия именно в тех случаях, когда переводчик должен быть особенно осторожен — в терминах и именах, т. е. в словах с ограниченным, узким значением. В качестве основного принципа передачи терминов и имен должен служить принцип древнего произношения. Так, на странице 112 в словосочетании „в сторону Басена“ правильно было бы употребить форму „Басеана“, что соответствует Фасиане древних. Хорошо известно, что армяне теперь читают древнеармянский текст в соответствии с современным произношением и потому, например, древние дифтонги звучат как простые гласные. Между тем в передаче названия древней Акилисены мы встречаем у переводчика три формы: „Екеляц“ (стр. 89), „Екелиац“ (стр. 168), „Екелеац“ (стр. 202). Последняя форма — „Екелеац“ — наиболее верная, да и то ее следовало передать как „Экелеац“, что и соответствует Акилисене древних греков. Неправильная передача терминов может вызвать ненужные ассоциации предвзвешенный. Так, например, титул „Хайр Мардпет“ передан как „Айр Мардпет“ (стр. 80). „Хайр“ по-армянски означает отец, а „айр“ — муж. Чтобы обойти придыхательный звук, соответствующий латинскому „h“, переводчик опустил его. Между тем употребление русского „х“ взамен придыхательного вполне закономерно с точки зрения фонетики армянского языка. Так, например, в ванском диалекте это слово звучит „хайр“. Вполне прав, далее, переводчик, передав термин „тэр“ — господин (стр. 64) через „э“, так как это приближается к древнему гласному „эй“. Но, вместе с тем, им без достаточного основания употреблена в термине „бдэшх“ — князь окраины — вместо русского „е“

буква „э“ (стр. 19). В известной мере прав переводчик, употребляя форму собственного имени „Ваган“ (стр. 16), хотя, по указанной выше причине (относительно придыхательной), предпочтительнее форма „Вахан“. Ошибочным является употребление переводчиком того же имени как „Ваан“ (стр. 213).

Можно было бы привести еще немало примеров, показывающих, что с филологической точки зрения в переводе имеются уязвимые места. На них справедливо остановил свое внимание А. С. Анасян в упомянутой выше критике перевода.

В тексте Фауста, поскольку пока еще не существует оригинала, изданного строго критически, немало сомнительных мест. Переписчики рукописей делали интерполяции, допускали ошибки и по разным мотивам опускали абзацы. Десятки лет занимавшийся Фаустом армянин С. С. Малхасянц в своем переводе памятника на современный армянский язык некоторые места перевел вольно, как бы интерпретируя писателя. М. А. Геворкян, опираясь на перевод С. С. Малхасянца, в ряде случаев буквально следовал последнему. Известно, что переводить с древнеармянского на современный армянский язык, как это ни странно на первый взгляд, во многих случаях труднее, чем на русский, так как и в морфологическом, и в синтаксическом отношениях древнеармянский язык в некоторых случаях ближе к русскому, чем к современному армянскому. Поэтому-то С. С. Малхасянц в отдельных случаях переводит довольно свободно, тем более, что переводчик не ставит своей целью дать строго научный перевод. При переводе на русский язык нужно было проявить больше самостоятельности, отойдя не только от перевода С. С. Малхасянца, но и от французского перевода Н. О. Эмина, которым иногда пользовался М. А. Геворкян.

Уже перевод первых строк из предисловия Фауста к своему труду показывает, что М. А. Геворкян предпочел следовать пониманию С. С. Малхасянца. Так, на стр. 3 мы читаем: „Эта третья книга повестей содержит главы исторических писаний, и к ней приобщаются еще три книги“. Этот перевод весьма точно сделан с перевода С. С. Малхасянца. Если же исходить из оригинала, то необходимо перевести: „А вот что заключается в этих повестях наших, в хронографических писаниях третьей книги, и в приложенных к ним трех книгах“. Наличие точки вместо запятой в армянском оригинале после слова „повестях“ и неправильное истолкование термина „хронографические каноны“, имеющегося не только у Фауста, но и в армянском переводе V в. Евсевия Кесарийского, дали повод переводчику вместо „хронографических писаний“ употребить выражение „исторические писания“.

Следуя С. С. Малхасянцу, переводчик не замечает ляпсусов в его переводе и потому его русский перевод иной раз не соответствует древнеармянскому оригиналу. Так, например, получилось в переводе предложения „знай, царь, что весьма вероломно поступает он (Мушег) по отношению к тебе и ждет твоей смерти...“ (стр. 153). Между тем соответствующее словосочетание означает не пассивное ожидание смерти противника, а активное, т. е. должно быть переведено словами „готовит тебе смерть“.

Копирование перевода С. С. Малхасянца снизило внимание переводчика к оригиналу и в таком предложении: „В эти времена против армянского царя восстал один из его слуг, великий князь Алдзникский, называвшийся бдешхом, который в царском дворце занимал одно из первых четырех седалищ“ (стр. 19). Этот перевод, исключая слова „в царском дворце“, одинаков с переводом С. С. Малхасянца. Между

тем два слова, буквально означающие „именуясь назывался“, переданные переводчиком словом „называвшийся“, представляют *terminus technicus*, который надо было перевести словами „назывался титулом“. Вместе с тем переводчик неправильно понял смысл придаточного предложения. Слова оригинала „один из четырех“ имеют в виду тот общеизвестный факт, что в Армении было четыре окраинных знатных феодала — сатрапа, которые носили титул „бдешх“. Князь Алдзникский был одним из этих четырех бдешхов, который занимал в царском дворце по правилам местничества первое место, о чем и сказано в оригинале: „который был одним из четырех (бдешхов), старшим из занимавших подушки (седалища) в царском дворце“.

К искажению смысла оригинала привело переводчика и недостаточное внимание к синтаксическим деталям. Так, слова персидского царя Шапура переведены следующим образом: „Ибо царь армянский Аршак вот уже тридцать лет воюет с арийцами, и ни разу мы не могли его победить...“ (стр. 128). Такой перевод дает основание считать, что наступающей стороной был армянский царь Аршак. Между тем слова „армянский царь Аршак“, принятые переводчиком за подлежащее, так как это словосочетание стоит в именительном падеже, по нормам синтаксиса представляет собою косвенный объект, а слово „арийцы“, стоящее в дательном падеже, именно и является подлежащим, что вполне отвечает правилам синтаксиса. Поэтому при точном переводе получается обратный смысл, т. е. активной стороной являются персы, и предложение получает следующий вид: „Ибо уже тридцать лет как арийцы воюют против него, царя армянского Аршака, и победить не смогли ни в один год“.

Приведенных нами замечаний достаточно для того, чтобы оценить значение настоящего перевода. Для общего ознакомления с видным памятником армянской письменности V в. настоящее издание, бесспорно, весьма полезно. Широкие круги любителей чтения первоисточников встретят эту книгу с интересом, тем более, что переводчику удалось передать дух произведения, сохранить художественные достоинства оригинала, доходчиво перевести все то, что относится к реалиям. Перевод произведения, построенного в значительной степени на материале древнейшего эпоса, может оказать помощь преподавателям литературы народов СССР в вузах.

Однако историки при пользовании настоящим переводом должны быть очень осторожны, так как текст, с которого сделан перевод, не является научно-критическим. Только отдельные места перевода можно считать безукоризненными. Кстати следует заметить, что по непонятным причинам текст местами сокращен. Так, например, две трети 44-й главы четвертой книги остались без перевода. Между тем эта часть главы основана на материале фольклора.

Несоблюдение определенной системы в употреблении армянских терминов и названий собственных и географических имен, в транслитерации их, конечно, будет ставить историка и вообще научного работника в весьма затруднительное положение. Поэтому хочется пожелать, чтобы вместе с подготовкой научно-критического издания оригинала подготавливался и новый перевод этого очень нужного памятника. При этом важно, чтобы новый перевод был сделан с максимальной точностью, в особенности при передаче терминов, технических выражений и специальных оборотов речи.